

Ваня Мичева (София)

ХРАБРОСТЬ КАК ЦЕННОСТЬ В ДРЕВНЕБОЛГАРСКИХ КЛАССИЧЕСКИХ ПРОИЗВЕДЕНИЯХ¹

На протяжении всей человеческой истории *храбрость* является универсальной ценностью, поскольку она связана с самыми важными потребностями людей — безопасностью, защитой собственного пространства, охраной и продолжением жизни как индивида, так и всего рода. С развитием цивилизации изменяются и некоторые характеристики этой ценности. В древние времена прежде всего требовалась мужская смелость в борьбе с живой и неживой природой для охраны и продолжения рода. В период Античности утвердился идеал военной храбрости, который олицетворяли Геракл, Ахилл, Гектор, Тезей и др. В Средние века античный идеал был пересмотрен и стал осмысляться с позиций христианской культуры, сопрягаясь прежде всего с христианством и противостоя язычеству. В Новое время, начиная с Ренессанса до наших дней, кроме военной храбрости эта ценность реализуется и как профессиональная, творческая, научная, политическая и т.д., то есть она может проявляться во всех сферах человеческой деятельности. Во времена постмодернизма традиционная ценность *храбрость* обретает нетрадиционные формы и выражается в смелой защите различий, преодолении ограниченных возможностей человека во имя какого-либо убеждения и др.

В этом исследовании представлены языковые и семантические воплощения *храбрости* как ценности на материале средневековой болгарской литературы, а именно древнеболгарских классических произведений, написанных или переписанных в 9–11 вв. Мы стремимся доказать, что в Средние века именно христианская культурная парадигма определяет аксиологические характеристики храбрости.

¹ Исследование выполнено в рамках Проекта ДО 02/5 от 24.07.2018 «Лингвистическая и этнокультурная динамика традиционных и нетрадиционных ценностей в славянском мире», Программа ERA.Net.RUS 2018 (#472–LED–SW).

Ценности в средневековой литературе описывались с различных точек зрения и с помощью разных методик в ряде монографий (Цибранска-Костова 2011, Мичева 2015, Мичева 2016, Мичева-Пейчева 2016, Мичева-Пейчева 2017 и др.). Однако собственно *храбрости* не посвящено специальных исследований. Из близких нашей теме работ отметим статью Сл. Керемидчиевой о диалектных значениях прилагательного *храбър* (Керемидчиева 1992). Методологически важными для нас являются достижения Люблинской этнолингвистической школы и проекты по славянским аксиологическим системам (руководитель Е. Бартминский).

Материал для этого исследования эксцерпирован из Архива секции истории болгарского языка Института болгарского языка, а также из словарей (Старобългарски речник 1999, 2009; Старославянский словарь 1999).

Согласно современным лексикографическим источникам болг. *смел* означает ‘тот, кто без страха противостоит опасности, бесстрашный, неустрашимый, храбрый’, а *храбър* — ‘тот, кто проявляется смелость в борьбе или перед лицом опасности, отважный, смелый’. Соответственно *смелост* и *храброст* определяются как ‘качество смелого / храброго человека’ (РСБКЕ 1959: 241, 575). Подобную семантику имеют эти лексемы и в истории болгарского литературного языка.

Храбрость в древнеболгарском языке именуется лексемами от корня *хравѣр-*, а именно: прилагательное *хравѣръ* и наречие *хравѣръскы*. В Житии святых 40 Севастийских мучеников Агрикола, префект на Севастия, стремится вынудить святых мужей вернуться к язычеству, восхваляя их и обещая им прекрасную жизнь: *юлико сѣтѣ воини подѣ цѣркви. ни сѣтѣ акты въ. ни храври. ни мѣдри ни красьни* (С. 71.12). Подчеркивается исключительность трех качеств — смелости, мудрости и красоты, которые отвечают античному идеалу героя. В мифах и в литературе Древней Греции воссоздается именно такой образ героя — отважного, умного и красивого человека, отличающегося от богов только тем, что он смертен. Актуализацией этого идеала подчеркивается стремление римского префекта приобщить мучеников к языческой вере. Их отказ подчиниться земному господину и желание служить исключительно небесному — это своеобразное отрицание античных ценностей во имя христианских.

В Житии св. Исакия рассказывается о воинских подвигах римского императора Феодосия I Великого, который побеждает язычников; его

именуют христоробивым, православным и храбрым: постави имъ цѣсара илиненъ ѿедосита. мѣжа вѣрѣна и хръстолоубива и правоѣрѣна... добыа сѣшта и хравѣра (С. 197.4). Мы видим, что в этом тексте *храбрость* уже переосмысливается и воспринимается как часть христианской системы ценностей, связанной с любовью ко Христу и к православной вере. Она представляет собой добродетель, присущую тому, кто защищает христианство и борется против язычества. На языковом уровне здесь фигурируют две лексемы: *добль* и *хравръ*.

В Житие св. Анина включена история Сергия, вождя месопотамского племени. Он прославляется как исключительно мужественный и храбрый воин, сумевший победить персов и сарацинов и изгнать их с греческой земли: сѣрѣа... иже мѣживлажствѣимъ и хравръ бѣвѣ неже никѣто повѣдѣ сътвори по вса лѣта на пагоубѣны перси и на помагажштѣ тѣмъ срацины (С. 566.23). Согласно агиографической традиции и в соответствии с христианской парадигмой, именно этот храбрый военачальник становится жертвой беса, посланного ненавистными сарацинами. Он избавляется от болезненного состояния с помощью освященного масла из кандила, а также в большей степени многодневными молитвами св. Анина Богу. Болезнь, которую причинил злой дух, отступает, и Сергию возвращается сила. Так, оказывается, что храбрость, которая в данном случае осуществляется прежде всего как необходимое и ценное качество в бою, подвержена языческой магии и воздействию злых сил, а сохранить ее можно только при помощи вмешательства Бога и его верных последователей.

В Слове на погребение Христово сошествие сына Божия в подземное царство уподобляется победоносному походу храброго царя: и тако се при цѣри хравѣрѣ. цѣсарьскы оплъуажшти сѣ и повѣждажшти (С. 464.24). Храбрость царя в битве оказывается вероятной моделью подражания Иисусу Христу по сошествию его в ад после смерти, когда он разрушил смерть, чтобы сотворить путь к небесным вратам. Контекст в Супрасльском сборнике очень образный, насыщенный метафорами и повторами, но сравнение с храбрым царем очень конкретно. Именно в этом слове Епифания Кипрского засвидетельствовано единственное в древнеболгарских классических произведениях употребление наречия *хравѣрскы*: дънесъ же воголѣпно въкоупѣ же и хравѣрскы и владычскы съходитѣ на ада и на смърть и на мѣжителя смъртѣнѣ смърти (С. 463.11). Храбро, как Христов спускается в ад, чтобы победить смерть и освободить мертвых, — всё слово воспекает божественную силу Иисуса при его встрече

с пространством дьявола и его прислужников. Одним из средств восхваления сына Божиего служит сравнение с царской храбростью, которая становится частью божественного бытия и одной из духовных ценностей христианства.

Эти пять случаев употребления *храбъръ* и один *храбърскы* в количественном отношении исчерпывают реализации лексем в классических древнеболгарских произведениях. Хотя их число невелико, они раскрывают процессы семантизации в содержании концепта *храбрость* в конкретных контекстах: отказ от античного идеала смелого героя; утверждение воинской храбрости в качестве важной ценности, которая связывается с борьбой против политеизма и сохраняется благодаря божественному вмешательству; сакрализация царской доблести как качество, присущее сыну Божию при сошествии в ад.

Номинациями храбрости в древнеболгарском языке служат лексемы с корнем *двѣль-*, более частотными и с более богатым лексическим гнездом, состоящим из двух существительных, двух наречий и двух прилагательных. В современном болгарском языке сохранилось одно существительное, одно прилагательное и одно наречие — *добрест*, *добрестен* и *добрестно*, все три слова маркированы как «книжные» (РБЕ 1984: 137–138) и встречаются преимущественно в литературе 19-го — начале 20-го века. В древнеболгарской литературе лексем с корнем *двѣль-* больше, и употребляются они шире. В Супрасльском сборнике *двѣль* встречается 26 раз, *двѣлѣ* — 6 раз, *двѣлѣстнѣ* — 1 раз, *двѣлѣно* — 1 раз, *двѣлѣсть* — 2 раза и *двѣлѣство* — 1 раз. Во всех своих реализациях — и как обозначение качества, и как определение того, кто обладает этим качеством, и как характеристика способа действия — эти лексемы имеют положительные коннотации, то есть они подтверждают, что смелость и доблесть в болгарской языковой картине мира представляют собой ценность.

Прилагательное *двѣль* в ряде контекстов означает ‘хороший; такой, какой должен быть согласно требованиям господствующей культурной парадигмы’. Например: *двѣлаа матъ*, *двѣлѣне исповѣданнѣ*. Неслучайно ученые связывают происхождение *двѣль* и *двѣръ* с одним и тем же индоевропейским корнем (БЕР 1: 402, 404). В древних цивилизациях обладание таким качеством, как смелость, определенно отвечало представлению о хорошем человеке, который может позаботиться о сохранении рода, его пропитании и продолжении. В средневековой литературе доблесть соотносится с христианским идеалом добра: *двѣль мѣжъ* может быть и хорошим верующим (С. 47.2); хорошим в подражании боже-

ственным образцам (С. 82.7); хорошим в исповедовании и признании грехов (С. 520.29). В литературе Возрождения у лексемы *доблесть* также засвидетельствовано значение ‘положительное качество, достоинство’, оно маркировано как устаревшее (РБЕ 1984: 138). Следовательно, данные истории болгарского литературного языка показывают, что сквозь века прошла и сохранилась связь между доблестным и хорошим, положительным.

В большинстве контекстов *добль* означает ‘тот, кто проявляет смелость’, при этом значение конкретизируется в каждом отдельном случае. Лишь в Житии св. Кодрата это качество приписывается богу Аполлону: *оубои са величѣства вогъ и великааго аполона довьаго* (С. 115.7), чтобы акцентировать величие языческих богов и подчеркнуть необходимость принесения им жертвы христианином Кодратом. Категорический отказ героя по существу опровергает силу и храбрость одного из самых почитаемых в древнегреческом пантеоне бога — Аполлона, с одной стороны, и утверждает веру в Бога Отца, Сына и Святого Духа — с другой.

Доблесть осмыслиется как воинская храбрость и приписывается 40 каппадокийским воинам в Житии святых 40 Севастийских мучеников в двух контекстах: *вѣахъ же воини кападокиискыи страны... непобѣдѣни и доби въ ратехъ* (С. 69.5); *оуспѣшно вамъ въ ратехъ показатеи. и довьѣсть дружинѣ своени* (С. 69.21). Изображение доблестного поведения героев как воинов в начале средневекового жития по существу подтверждает наличие у них смелости как мучеников веры в ходе дальнейшего нарратива. Это часть стилистических и структурных особенностей данного типа литературы. В Похвале святых 40 мучеников снова говорится, что их смелость и мужество достойны описания художниками и писателями: *такоже науъртанини мѣжъ сихъ мѣжъства. тако и довьѣства побраньскаа. многаши во словописателѣ. и шарописателѣ науъртаитъ* (С. 83.7).

Все лексемы с корнем *довль-* в своей семантической структуре содержат типичное для христианской культуры значение, а именно: ‘смелость в претерпевании мучений за веру, выдержка’. Мученичество, согласно христианскому учению, — это большая ценность, чем победа в бою, особенно если она связана с противопоставлением язычникам. Наречие *довль* трижды описывает то, как святые люди проходят через трудный путь, чтобы отстоять христианскую веру: *влаженъи же кодратъ... довьѣ сътрѣпѣ лютыи тыи мѣкыи* (С. 105.4, ср. С. 213.6, С. 253.27). Подобным образом и святые 40 мучеников *довльно* переносят тяжелые истязания по ночам: *ношть проваждаахъ. трѣпаште страсть. довьно* (С. 92.1).

Блаженный Кодрат именуется добль, поскольку никакие физические страдания не могут поколебать его духовную силу: добин же мж҃уникъ кодратъ рече. вниате вниате. плъти оубо пакости твориши. а дшд не вредиши (С. 113.13). А св. Александр Сидский получает определение добль и описывается как совершающий доблѣстныи трѹдѹды, поскольку также подвергается жестоким мучениям — ему, подвешенному и израненному, сыплют на раны соль и поливают их уксусом. Несмотря на страдания, он благодарит Бога за то, что тот приобщил его к познанию божественного, и выдерживает все муки: повелѣ же и доблѣго александра повѣсивъше стрѹгати (С. 161.3).

Христианская идея преодоления телесного и великой значимости духовного начала ясно прослеживается во многих контекстах, связанных с физическими истязаниями. Она представлена и как доблесть в соблюдении поста, в ограничении жирной пищи и в упорных усилиях по самоусовершенствованию и приближению к Богу. Именно так описывается поведение св. Иоанна Схоластика в его житии: отъ власти же всѣмко добые съхрани са. по вса же часы. съмръть помышлѣ доушж своиѣ вѣстави на вольша трѹдѹды (С. 274.9, ср. С. 274.2–3). А в словах св. Васоя, обращенных к его товарищам в Житии святых 42 мучеников Амория кодируется призыв к физической выносливости и духовному подвигу: станѣте доблѣ ш братина и мжжъскы за х̄а на сквернаваго сего (С. 62.30). «Встаньте доблестно, о братья, и мужественно за Христа против этого скверного (так именуется эмир-мусульманину, который захватил, мучил и затем убил 42 христиан)» — эти слова подчеркивают необходимость смелости в действиях при защите Христа, который обозначается словами доблѣ и мжжъскы.

Анализ контекстов, в которых употребляются лексемы с корнем добль-, показывают, что в их семантическом содержании доминирует сема ‘храбрость’ и лишь в одном случае она соотносится с языческим богом Аполлоном, во всех же остальных случаях — с добрыми и праведными христианами. Доблесть может быть воинской, но она присуща тем воинам и военачальникам, кто защищает христианство. Чаще всего она реализуется как доблесть в претерпевании страшных мук, как физическая выносливость самых преданных христиан. Доблесть возвышается до духовного подвига и сакрализуется именем сына Божия.

Отождествление смелости и мужественности — часть архетипического представления о мужчине как о том, что должен убивать диких зверей, чтобы обеспечивать пропитание своим родным, биться с врага-

ми, нападающими на его территорию и желающими завладеть ею. Такие роли мужчина может выполнять лишь в том случае, если он обладает силой и храбростью. На языковом уровне эти качества передаются номинациями храбрости с помощью лексемы от корня *мжжь-*. В древнеболгарских классических произведениях засвидетельствованы следующие лексемы: *мжжьство* — 11 раз, *мжжьскы* — 4 раза, *мжжати с* — 4 раза и композита *мжжьблагьствие* — 1 раз. В нескольких контекстах сочетаются слова, производные от разных корней, но с близким значением. Например, Сергей, побеждающий персов и сарацин, не только *храбрьръ*, он также одарен таким качеством, как *мжжьблагьствие* (С. 566.22). Это сложное слово с прозрачной семантикой от корней *мжжь-* и *благ-* можно истолковать как ‘блаженство, радость обладания мужеством’. Аморийские 42 мученика защищали Христову веру *доблѣ* и *мжжьскы* (С. 62.30), *дръзо* и *мжжьскы* (С. 86.2). Мужество чаще всего приписывается истинным христианам, это необходимое качество для того, чтобы отстоять веру: *да вѣдѣтъ мжжьствоу подвижъникъ* (СЕ 92b18); *раба твоего вѣрънааго цѣра вѣ лиръ и правѣдъ и мжжьство съхрани* (СЕ 19a6). Следовательно, сема ‘храбрость’ является основной для всех лексем с корнем *мжжь-* и соотносится с защитой христианских ценностей. Значения ‘смелость’, ‘смелый’ и ‘смело’ сохраняется в современных болгарских лексемах *мъжество*, *мъжественост*, *мъжествен*, *мъжествено* (РБЕ, 9, 1998: 195–196).

Все рассмотренные выше древнеболгарские репрезентанты храбрости обладают исключительно положительными коннотациями, поскольку они отражают ценность этого качества не только для древней культуры, но для христианской культурной парадигмы. Группа лексем с корне *дръз-*, также славянского происхождения, характеризуется и положительными, и отрицательными коннотациями. Всё гнездо состоит из 8 слов: *дръзнжти* — 29 употреблений, *дръзати* — 26 употреблений, *дръзовати* — 1, *дръзновение* — 22 употребления, *дръзость* — 18, *дръзь* — 11, *дръзо* — 1, *дръзьк* — 1. Большинство лексем включают в семантическую структуру по две семы. Первая соотносится с проявлением смелости, с дерзованием в отстаивании христианской веры. В некоторых контекстах речь идет о смелых ответах в спорах с противниками христианства, то есть о словесной дерзости: *цѣсаръ же видѣвъ блаженааго и свѣтъльство лица юго и словесънжжъ дръзость... не може отъвѣштати юмъ словесе* (С. 194.20). В других контекстах акцентируется смелость в словах и действиях мучеников, что карается казнью: *разгнѣвавъ же са къназъ о дръзости*

стѣго мѣченика иринеа. повелѣ мѣчѣмъ оустѣкнѣти и (С. 254.6). Особенно релевантна дерзость тех, кто открыто именуется христианином, рискуя жизнью, подобно святым 40 мученикам: свободномѣ гласомѣ дръзо мѣжъскы никакоже оустрашивѣше сѧ с прѣтимиыхъ. въ срѣдѣхъ вѣлѣзѣше крѣстинани сами сѧ нарикоша (С. 86.2). Имеются примеры с задействованием семантики ‘смело претерпевающий мучения’: и дръзѣши на мѣчѣние молѣше поминати юго въ цѣсарствѣхъ господни (С. 98.21). В этом семантическом поле употребляются лексемы с *дръз-*, имеющие положительные коннотации. Для них характерны подсеммы ‘акциональная смелость’, ‘вербальная дерзость’, ‘мученическая выдержка’, но подсемматата ‘воинская храбрость’ сюда не входит.

Вторая сема при реализации лексем с *дръз-* — это ‘дерзость, нахальство, бесстыдство’. Когда смелость направлена не на защиту христианских ценностей, а наоборот, на злодеяния и отрицание Бога, она воспринимается как наглость. Это происходит с Арием, который отрицает православие и распространяет новую ересь: да отѣвѣштаетѣ како дръзѣи хѣлити вога (С. 188.24). Все грешники могут характеризоваться таким образом вследствие своих злодеяний: естѣ во дръзѣ и вѣсрама (СЕ 88a13); естѣ во дръзѣ зѣло творити (СЕ 88b6). Для мучеников явное признание ими христианского вероисповедания — это проявление смелости дерзости, то для отрекшихся от христианского Бога принятие язычества — это незаконная дерзость: да ако оужѣ вѣзаконѣное дѣло сътвори и дръзо (С. 66.5, Житие святых 42 мучеников из Амории). Контекстный анализ показывает, что одни и те же действия, но с разной направленностью, оказываются в разных аксиологических сферах. Оценка зависит целиком от господствующей культурной парадигмы. С точки зрения христианского канона приобщение к православной вере является ценностью и может характеризоваться как положительно дерзновенное, а возврат к политеизму — антиценность и определяется как отрицательный и дерзкий (бесстыдный) акт.

Современный болгарский язык унаследовал немало лексем с корнем *дръз-*. Часть из них маркированы как устаревшие: *дързая*, *дързо*, *дързовит*, *дързовито*, *дързовитост*, *дързостен*, *дързостлив*, *дързостно*, *дързнувам*, *дързнуване*; другая часть — как книжные: *дързвам*, *дързновение*, *дързновено*, *дързновеност*, *дързновен*, а *дързкост* помечается как редкое слово. Лишь только *дързък* и *дързост* согласно лексикографическим трудам не требуют специальных помет. Они функционируют в двух значениях, близких древнеболгарским (РБЕ, 4, 1984: 451–453).

В древнеболгарских классических произведениях один раз встречается лексема *възвоязньне* ‘смелост’ (С. 559.28), образованная от корня *въязнь-* и префикса *въз-*. В современном болгарском языке эта модель воспроизводится в лексеме *безстрашие* от корня *страх-* в значении, близком *боязън*.

Историческое развитие человечество приводит к соотносению традиционной ценности *храбрость* с войной и битвами. Именно в них воины проявляют бесстрашие, защищая территории, своих близких, материальные богатства и духовные ценности. По этой причине древнеболгарские лексемы *ратъ* и *бранъ* в значении ‘сражение, битва’ лежат в основе нескольких номинаций смелости. В XIV в. в тексте Манасиевой хроники мы обнаруживаем сложные прилагательные *дръзоратънъ* и *крѣпикоратънъ*, которыми называется качество ‘смелый в бою’ (БЕР, 6 2002: 189), и наречие *бранънѣ* в значении ‘храбро’ (БЕР, 1 2012: 73). Лексемы *рат* и *бран* сохранились до сегодняшнего дня в болгарской художественной литературе в значении ‘битва’, тогда как для *рат* зафиксировано и значение ‘войско’.

В древнеболгарских классических произведениях основные семы храбрости, которые обозначают границы ее ценностного наполнения в христианской культуре, можно обобщенно сформулировать следующим образом: 1. Воинская храбрость античности переосмысливается прежде всего как смелость в борьбе с язычниками (лексемы с корнем *хравр-*, *двъль-*, *мжжъ-*). 2. Смелость в претерпевании жестоких мучений во имя веры, что становится основной ценностью (лексемы с корнем *двъль-*, *дръзъ-*). 3. Словесная дерзость проявляется в прениях с противниками веры (лексемы с корнем *дръзъ-*). 4. Акциональная храбрость обнаруживается в делах христиан по совершенствованию и стремлению приблизиться к Богу (лексемы с корнем *двъль-*, *дръзъ-*). 5. Храбрость сакрализуется, когда она соотносится с Христом (лексемы с корнями *хравр-*, *двъль-*).

Современное слово *смел* не встречается в древнеболгарском языке. Оно образовано от причастия прошедшего времени действительного залога глагола *съмѣти*, *съмѣтихъ*, наследником которого является болг. *смея*. Глагол означает ‘делать что-либо без страха, иметь решительность и волю совершить нечто’. Поэтому *смел* — ‘тот, кто без страха и колебаний совершает что-либо, кто осмеливается производить какие-либо действия’. Даже в языке новоболгарских дамаскинов, близком разговорному, лексема *смел* не засвидетельствована. Скорее всего, она появляется в литературе Возрождения через посредничество церковнославянского языка и русских печатных книг.

Изучение языковых репрезентантов и семантики храбрости как ценности в истории болгарского языка показывает ее значимость в концептосфере болгар. Проявление смелости может сакрализоваться как высшая ценность в действиях Сына Божия, а также и определяться как ненавистное дерзновение и антиценность в поступках дьявола. Между этими двумя крайностями располагаются поступки праведников и грешников, которые получают оценку в соответствии с господствующей культурной парадигмой. В осмыслении храбрости сочетаются древние и христианские черты, которые вербализуются различными лексемами и выражениями, большая часть которых сохранилась в современном болгарском языке.

ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

С. — Супрасльский сборник;

СЕ — Синайский евхологий.

ЛИТЕРАТУРА

- БЕР, 1 2012 — Български етимологичен речник. Т. 1. София: АИ «Проф. М. Дринов», 2012.
- БЕР, 6 2002 — Български етимологичен речник. Т. 6. София: АИ «Проф. М. Дринов», 2002.
- Керемидчиева 1992 — *Керемидчиева Сл.* За народното значение на думата *храбър* // *Paleobulgarica* / Старобългаристика. XVI. 1992. № 3. С. 87–90.
- Мичева 2015 — *Мичева В.* Картината на света в езика на новобългарските дамскини. София: ДиоМира, 2015.
- Мичева 2016 — *Мичева В.* Свет и тъма, свое и чужое в християнската парадигма. Saarbrücken: LAP LAMBERT Academic publishing, 2016.
- Мичева-Пейчева 2016 — *Мичева-Пейчева К.* Сакрална чистота и профанна нечистота. Saarbrücken: LAP LAMBERT Academic Publishing, 2016.
- Мичева-Пейчева 2017 — *Мичева-Пейчева К.* Етнокултурната бинарност в средновековната българска литература. София: ДиоМира, 2017.
- РБЕ 1984, 1998 — Речник на българския език. Т. 4. София: Издателство на БАН; Т. 9. София: АИ «Проф. М. Дринов», ЕТ «ЕМАС», 1984, 1998.
- РСБКЕ 1959 — Речник на съвременния български книжовен език. Т. 3. София: Издателство на БАН, 1959.

Старобългарски речник 1999, 2009: Старобългарски речник. Т. I–II. София: Издателство «Валентин Траянов», 1999, 2009.

Старославянский словарь 1999 — Старославянский словарь. М.: Русский язык, 1999.

Цибранска-Костова 2011 — Цибранска-Костова М. Покаяната книжнина на Българското средновековие IX–XVIII в. (езиково-текстологични и културологични аспекти). София: Издателство «Валентин Траянов», 2011.

Vanya Micheva (Sofia)

Bravery as a Value in the Old-Bulgarian classical manuscripts

Abstract: The paper examines the semantic realizations and verbalizations of the *bravery* as a value in the history of Bulgarian language and culture. The linguistic facts of Old Bulgarian manuscripts from IX–XI c. are used. The system of words and phrases that present bravery as a value and its distribution in different cultural contexts are analyzed in a relation to Christian ideas of Middle Ages.

In the Old Bulgarian classic manuscripts the bravery as a value is verbalized by two lexemes with a root -*хравр-*: the adjective *храврѣръ* (5) and the adverb *храврѣръскы* (1). They show the processes of semantic realizations of this value: overcoming of the antic ideal for a bravery hero; affirmation of the warrior bravery as an important value, in relation to the fight against the polytheism and the protection of the Christian faith.

The analysis of the contexts with lexemes with a root *добль-* shows that the sema ‘bravery’ dominates in their semantic content. Once it refers to pagan god Apollo, and in all other cases it refers to the good and righteous Christians. The warriors that keep Christianity, are courageous (*добльи*). But most frequently the courage is manifested as a suffering and martyrdoms, as a display of the early Christians.

The concept *bravery* in the Old Bulgarian language keeps some archaic ideas of the antic culture. The archaic man can be a guardian of the Family and the Kin only if he owns a force and a courage. We can find this phenomena in the nominations of bravery by lexemes with a root *мжжь-*. In the manuscripts we see: *мжжьство* (11), *мжжьскы* (4) and *мжжеблжжьствинѣ* (1).

In the Old Bulgarian classic manuscripts are preserved the basic semas in the conceptual content of *bravery*, which from axiological point of view are set according to the Christian culture paradigm: 1. The warrior bravery is related to the fight against the polytheism and the protection of the Christian faith (lexemes with a root *хравр-*, *добль-*, *мжжь-*). 2. The courage is mani-

fested as suffering and martyrdoms by the early Christians (lexemes with a root *дoблѣ-, дpѣз-*). 3. The verbal bravery is realized in the disputes with the opponents of the Christian faith (lexemes with a root *дpѣз-*). 4. The courage of actions is presented in the life of the righteous Christians (lexemes with a root *дoблѣ-, дpѣз-*). 5. The bravery is sacred when it is related to Christian God (lexemes with a root *чpавр-, дoблѣ-*).

From axiological point of view it may be said that the changes in the language representants and in the meanings of the concept *bravery* prove its exclusive value.

Key words: values, axiology, history of Bulgarian language, Christian culture, verbal bravery, bravery of actions, bravery of martyrs.

Note on the author: Vanya Micheva, PhD, Associate Professor, Member of the Department of History of Bulgarian Language, Institute for Bulgarian Language “Prof. L. Andreychin”, Bulgarian Academy of Science. Email: v.micheva@gmail.com.

(Перевод с болгарского И. Седаковой)